

Александра III и отца Иоанна. Предусматривалось пригласить духовенство к пожертвованиям на учреждение стипендий имени Кронштадтского пастыря и к приобретению его портретов для размещения в актовом зале духовных учебных заведениях. В программы семинарий (по гомилетике и практическому руководству для пастырей) планировалось ввести изучение биографии отца Иоанна. Архангельский архиерей должен был представить Св. Синоду заключение об учреждении училища пастырства имени отца Иоанна; учрежденное ранее в Житомире училище получило его имя. Иоанно-Богословский женский монастырь, где был погребен Кронштадтский пастырь, «чести ради» возводилось в ранг первоклассного⁵⁴.

Повторив слова императора о кончине великого молитвенника Земли Русской и яркого светильника Церкви, Св. Синод громко заявил, что кончина отца Иоанна «является великим событием в нашей Церкви и Отечестве», по сути подчеркнув уникальность переживавшегося тогда события. Издательская комиссия получила распоряжение Св. Синода о напечатании (в количестве 40 тысяч экземпляров) и рассылке портретов почившего настоятеля Андреевского собора по всем церковным школам империи⁵⁵. Не будет преувеличением сказать, что подобное увековечивание памяти почившего православного пастыря было в синодальной истории впервые. Речь шла о подготовке канонизации, хотя далеко не все представители так называемого «образованного общества» до конца понимали смысл церковно-общественной деятельности отца Иоанна, называя его «загадочной личностью»⁵⁶.

Но даже те, кто так к нему относился, вынуждены были признать, что «в нем была гигантская вера, дававшая ему гигантскую мощь; мощь святости. Он был избранником всего русского народа», — писал генерал А. А. Киреев, называвший Кронштадтского пастыря народным героем и самым популярным человеком в России⁵⁷.

Безусловно, понимал это и император, для которого отец Иоанн был не только великим молитвенником и чудотворцем, по слову В. В. Розанова, — «вождем уверования, воскрешителем веры», поднявшим волну религиозности в народе⁵⁸. Для Николая II он был символом живой связи монарха с этим самым народом, ибо войти с ним в непосредственную близость, помимо посредников, было одной из главных целей последнего государя.

*Н. Ю. Сухова, магистр богословия, к. и. н.
(ПСТГУ)*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В ПЕРИОД ОБУЧЕНИЯ В НЕЙ СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Настоящая статья посвящена, казалось бы, не самой яркой и важной странице в жизни святого праведного Иоанна Кронштадтского — его обучению в духовной академии. На фоне той славы, которой окружено последующее служение святого Иоанна, его великих деяний, чудотворений, влияния на церковное, богословское, литургическое сознание современников и последующих поколений, период богословского образования будущего «всероссийского пастыря» кажется не столь важным. Нередко нивелируется само значение духовной школы в жизни святого, а его живое чувство веры, желание жить не для рационального знания, а для Бога и для людей, или — в Боге и в людях осознанно отделяются от полученного духовного образования, как благодатные дары, стяженные и развитые «вопреки» ему. Обобщение этих замечаний ведет к тяжелому и несправедливому, но, к сожалению, нередкому противопоставлению «жизни духовной школы» и «школы духовной жизни».

Вторая коллизия, которую нередко видят в соотнесении духовной школы XIX — начала XX в. и служения святого пастыря, является более конкретной и профессиональной, причем связана она преимущественно с *высшей* духовной школой. Нередко приводимая статистика рукоположений духовно-академических воспитанников, образ профессора-«пиджачника» как наиболее реального итога высшего духовного образова-

⁵⁴ Определения Св. Синода // Там же. С. 12–13.

⁵⁵ Там же. С. 14–15. См. также: *Киценко Н.* Указ. соч. С. 323–324.

⁵⁶ См., напр.: *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* М., 1999. С. 382. Запись от 21 марта 1900 г.; *Дневник А. А. Киреева* // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. (РО РГБ). Ф. 126. Д. 14. Л. 341. Запись от 22 декабря 1908 г.

⁵⁷ Там же. Л. 341, 341об. Запись от 22 декабря 1908 г.

⁵⁸ *Розанов В.* Личность отца Иоанна Кронштадтского // Святой Иоанн Кронштадтский... С. 174.

ния, — все это, казалось бы, свидетельствует о так и не преодоленном разрыве между научным богословским образованием и служением русского пастыря. Неизбежно встает вопрос: готовили ли академии синодальной эпохи — и, более конкретно, середины XIX в. — хороших пастырей, или святой Иоанн Кронштадтский явился неожиданным и нехарактерным «выбросом»?

Замечания такого рода делают тему «Святой Иоанн Кронштадтский и духовная школа» принципиально важной, причем как для изучения жизни, учения, деяний святого Иоанна Кронштадтского, так и для более полного и глубокого понимания исторического пути и настоящего состояния духовной школы. Однако историография этой темы крайне скудна. Кроме кратких упоминаний о духовно-учебном периоде в жизнеописаниях святого, в дореволюционный период можно выделить лишь статью-комментарий А. А. Бронзова¹. Следует отметить монументальный труд митрополита Вениамина (Федченкова) — дореволюционного свидетеля и постреволюционного автора, в котором уделено внимание пребыванию о. Иоанна в стенах духовной школы и отношению некоторых представителей этой школы к последующему служению святого². За последние годы Санкт-Петербургская духовная академия посвятила этой теме несколько статей³.

В краткой статье поднять означенную тему невозможно, трудно даже полноценно наметить поле для изучения. Поэтому зададимся главным вопросом: что представляла из себя высшая духовная школа в период обучения в ней святого Иоанна Кронштадтского и что она могла дать для дальнейшей жизни, учения и деятельности? Прежде всего, конечно, надо обратить внимание на СПбДА — *alma mater* святого.

За рамками статьи остаются еще два крайне важных вопроса: 1) Как повлияло образование, полученное в СПбДА, на богословие святого Иоанна Кронштадтского? 2) Что значила жизнь, учение и деятельность святого Иоанна Кронштадтского для высшей духовной школы? Но эти вопросы, представляющие темы для особых исследований, мы надеемся поднять на последующих научных конференциях и чтениях, посвященных памяти святого.

Выделенный нами вопрос требует хотя бы краткого изучения СПбДА в период учебы там святого Иоанна Кронштадтского: системы преподавания, настроения, начальствующих, учащихся и учащихся духовной академии.

Святой праведный Иоанн — Иван Ильич Сергиев, — как мы знаем, прошел типичный духовно-учебный путь юноши духовного сословия XIX в., окончив последовательно Архангельское духовное училище (1841—1845), Архангельскую духовную семинарию (1845—1851) и Санкт-Петербургскую духовную академию (1851—1855)⁴. Типичен этот путь был и своим непростым прохождением, нередким для детей небогатых клириков: хотя образование давалось в долг, — а для тех, кто не планировал покинуть духовное сословие, и вовсе бесплатно, приходилось думать и о нуждах семьи, использовать доступные способы подработки. Для нашей темы это важно тем, что при бедственном положении семьи — а у Сергиевых было именно так — *высшее* духовное образование было в известном смысле роскошью, ибо не было необходимым для священнического служения: на пастырское служение была ориентирована непосредственно семинария. А это значит, что и сам Иван Ильич, и его семья ценили высшее богословское знание, и — осознанно или интуитивно — усматривали в этом знании основание и важнейшее вспоможение для пастырского служения, для христианского подвига, для стремления к святости. Этим обусловлено посвящение статьи именно академическому периоду образования будущего пастыря и святого чудотворца.

И. И. Сергиев был студентом XXI курса СПбДА и учился в академии с августа 1851 по июнь 1855 г. Отметим, что это были последние годы царствования Николая I — вторая половина того периода, который в историографии нередко называют «мрачным семилетием». При этом приводят факты, иллюстрирующие отражение этой обстановки на деятельности российской высшей школы: усиление контроля за университетами, упразднение в них кафедр философии, запрещение тех или иных тем для исследований. Насколько отразилась эта ситуация на высшей духовной школе? В рамках статьи нет возможности рассматривать этот вопрос подробно, поэтому ограничимся лишь несколькими краткими замечаниями. Во-первых, оценки той ситуации, которая сложилась в России в 1848—1855 гг., в последние годы существенно пересматриваются

¹ Бронзов А. К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского (Некоторые справки из архива Санкт-Петербургской духовной академии) // Душеполезное чтение. 1909. Ч. 1. 385—398.

² Вениамин (Федченков), митр. Отец Иоанн Кронштадтский. СПб.: Кронштадт, 2000. С. 55—70, 578—581 и др.

³ Константин (Горянов), архиеп. Становление личности в духовных школах: святой праведный Иоанн Кронштадтский и Георгий Гапон // Христианское чтение. 2007. № 28. С. 5—37; Карпук Д. А. Святой праведный Иоанн Кронштадтский — лучший выпускник Санкт-Петербургской духовной академии // <http://www.spbda.ru/node/2868>.

⁴ Далее в статье используются стандартные сокращения в назначениях духовных школ: Санкт-Петербургская духовная академия — СПбДА, Московская духовная академия — МДА, Киевская духовная академия — КДА, Казанская духовная академия — КазДА, ДС — духовная семинария; ДУ — духовное училище.

исследователями⁵. Во-вторых, некоторые черты этой эпохи — настороженное отношение к периодической печати, к новым научным идеям — отражались на жизни духовной школы, но отнюдь не определяли ее⁶. Наконец, многие явления в жизни духовной школы следует оценивать не по политическим критериям, а по иным, которым трудно найти аналог в обычной общественной жизни и согласно которым понятие свободы требует совершенно иного подхода и осмысления.

Академии жили в те годы довольно замкнуто, занимаясь преимущественно развитием собственно духовного образования и решением проблем, связанных с этим развитием. А этих проблем было немало, и именно в начале 1850-х гг. многие из них стали проявляться с особой значимостью. Вставали вопросы и практические, и методические, и принципиальные, связанные с определением смысла, цели, задач высшей духовной школы, ее места и значения в Церкви, в российской научно-образовательной системе, в российском государстве, ее обязанностями перед обществом.

В период обучения XXI курса СПбДА, как и прочие духовные академии, жила по Уставу, разработанному в начале XIX в. (1808—1814), и эта жизнь была уже достаточно стабильна. Тем не менее Устав допускал определенную гибкость, некоторые его положения уже были скорректированы позднейшими постановлениями, и творческие изменения вполне укладывались в общую стабильность. Так, например, именно в эти годы в академиях активно шел процесс формирования «пастырского» блока предметов: самого пастырского богословия, гомилетики, литургики, церковного законовещения. В связи с этим процессом неизбежно вставала проблема сочетания научно-богословской подготовки и развития духовной «учености» с пастырской подготовкой студентов⁷. При реформировании академий, по Уставу 1814 г., задача подготовки пастырей была поставлена перед средней духовной школой — семинариями, академии же должны были заниматься развитием богословской науки, готовить кадры для особых церковных служений и преподавателей для семинарий, то есть учителей для будущих пастырей. Но могла ли быть отринута высшая духовная школа от непосредственной задачи всей духовно-учебной системы — подготовки священства?

В конце 1840-х — начале 1850-х гг. много говорилось о совершенствовании образовательного процесса во всех областях знания. Не могло это не отразиться и на духовно-учебной области: в 1851 г. был подготовлен проект введения в духовных академиях педагогики и составлены первые курсы лекций по этой дисциплине⁸. Обсуждение этого проекта велось во всех академиях, в том числе и в СПбДА, причем наиболее активно обсуждался вопрос о специфике постановки педагогического дела в высшей духовной школе⁹. Должна ли педагогика стать особой «пастырской педагогикой»? Как она связана с пастырским учительством как одной из основных составляющих пастырского служения?

Расширение миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в 1840-х гг., как на территории Российской империи, так и вне ее пределов, с особой остротой поставило вопрос о роли духовной школы в этом процессе. Выпускники духовных школ на протяжении многих десятилетий пополняли состав церковной миссии. Однако теперь акцент ставился на *специальной* подготовке к этому специфическому служению, введении специальных предметов, разработке методик, составлении пособий. В 1853 г., по инициативе архиепископа Казанского Григория (Постникова), началась кампания по введению миссионерских наук в учебный процесс духовных академий и семинарий. В корпорации СПбДА как столичной и во многом «эталонной» академии активно велись обсуждения наиболее успешного решения и этой задачи, а также гармоничного сочетания этого решения с уже налаженным духовно-академическим процессом. В 1853 г. в академии был открыт миссионерский противораскольнический класс, предоставивший студентам возможность уже на школьной скамье профессионально знакомиться с этой серьезной проблемой Русской Православной Церкви, актуальной практически для всех ее епархий.

Как видно даже из этого, очень конспективного, выделения некоторых проблем академической жизни, питательная среда для формирования будущих пастырей, проповедников, миссионеров была. Разумеется,

⁵ См., например: *Шевченко М. М.* Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003 и др.

⁶ См., например: *Лебедев А. П.* В защиту Филарета, митрополита Московского, от нападок историка С. М. Соловьева. М., 1907 (переизд.: *Он же.* «Великий и в малом...» Исследования по истории Русской Церкви. СПб., 2005. С. 151—184) и др.

⁷ Об это см. подробнее: *Сухова Н. Ю.* Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 1 (25). С. 25—43.

⁸ В КДА еще в 1843 г. был составлен проект преподавания педагогики, в связи с курсом пастырского богословия; в 1852—1853 гг. ректор академии архимандрит Антоний (Амфитеатров) читал пастырскую педагогику, присоединяя к ней изложение начал общей педагогики и методики. (см.: *Мальшевский И.* Историческая записка о состоянии Киевской духовной академии в истекшее пятидесятилетие // Труды Киевской духовной академии. 1869. № 11—12. С. 123).

⁹ Об это см. подробнее: *Сухова Н. Ю.* К вопросу о педагогической подготовке выпускников высшей духовной школы в контексте реформ XVIII — XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. IV: Педагогика. Психология. 2007. Вып. 3 (6). С. 70—91.

многое зависело не только от общего настроения, но и от конкретных личностей, а также от личной устремленности каждого студента.

Кто окружал будущего святого пастыря в годы его студенчества, кто его учил, наставлял? Прежде всего, следует сказать о правящем архиерее. Несмотря на то, что упомянутая выше духовно-учебная реформа 1808—1814 гг. даровала академиям общецерковный статус и, как казалось вначале, вывела их из-под непосредственного руководства епархиального архиерея, жизнь показала, что этот вариант для Церкви неестественен¹⁰. Архипастырское внимание было необходимым и для высшей духовной школы, а личность правящего архиерея академического города значила немало и для академии в целом, и для каждого ее преподавателя и студента. Четыре года обучения И. И. Сергиева в СПбДА пришлось на время правления столичной епархией митрополита Никанора (Клементьевского) (1848—1856)¹¹. Отношение владыки Никанора к его академии, насколько это можно понять по документам, личным оценкам и воспоминаниям, было одновременно тесным, отечески-внимательным и деликатным. Все историки СПбДА особо отмечают внимательные ревизии преосвященного, желание вникнуть во все проблемы и учебного процесса, и преподавательской корпорации, и студентов, его отеческие советы¹². Владыка Никанор отличался любовью к духовной учености: делал книжные пожертвования в СПбДА и Санкт-Петербургскую ДС, всячески содействовал развитию в Санкт-Петербурге историко-археологических изысканий, завел в Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре библиотеку, пожертвовав в нее все свои книги, при нем начато было описание достопримечательностей Лавры и организовано собрание материалов по ее истории. В 1854 г. благодарная СПбДА представила митрополита Никанора к ступени доктора богословия *honoris causa*, «за особую его любовь к духовному просвещению и содействию его успехам, при уважении к обширным познаниям в предметах духовной учености». Это было единственное присуждение высшей богословской степени таким образом, если не считать начального момента учреждения самой этой степени¹³. Другой характерной чертой митрополита Никанора была благотворительность: он вносил капиталы в пользу конкретных церквей и епархиальных попечительств, монастырей, богаделен, Санкт-Петербургской и Новгородской семинарий, Царскосельского женского училища, СПбДА, на стипендии Императорского Человеколюбивого общества, на выдачу мелких пособий к Светлой Пасхе.

Ректором СПбДА на протяжении всего времени учения в ней святого Иоанна Кронштадтского был епископ Макарий (Булгаков) (1850—1857)¹⁴. Можно долго говорить о научных трудах и заслугах этой великой личности: за 15 лет преподавания, инспекторства и ректорства в СПбДА (1842—1857) он создал на основе своих лекций знаменитый курс «Догматического богословия»¹⁵, начал писать и издавать свою знаменитую многотомную «Историю Русской Церкви», напечатал одно из первых пособий по истории русского раскола¹⁶ и несколько важных церковно-исторических источников по древним рукописям¹⁷, написал еще немало отдельных трудов по разным областям богословия. В преосвященном Макарии нередко видят классического и отчасти запоздалого представителя богословской схоластики, далекой от реальной церковной жизни. Определенное закрепление этого взгляда было проведено протоиереем Георгием Флоровским в его действительно замечательном труде «Пути русского богословия». Протоиерей Георгий считал «Догматику» преосвященного Макария «типическим продуктом Николаевской эпохи», «устарелой уже при самом ее появлении в свет», отстававшей и отстоящей «и от потребностей, и от возможностей русского богословского сознания»,

¹⁰ Усиление акцента на архиерейском влиянии на академии было проведено, по настоянию ректора СПбДА и члена КДУ архимандрита Филарета (Дроздова) уже в окончательной редакции Устава духовных академий, проведенной перед его утверждением в 1814 г. (см.: Устав православных духовных академий 1814 г. § 2—10).

¹¹ Никанор (Клементьевский), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский. Выпускник дореформенной Троицкой Лаврской семинарии 1809 г.

¹² См., например: Соллертинский С. А., *прот.* Опыт исторической записки по случаю столетнего юбилея Петербургской духовной академии: 1809—1909. СПб., 1910. С. 70 и др.

¹³ В 1814 г., при «открытии» степени доктора богословия были присуждены три первые почетные докторские степени (митрополиту Амвросию (Подобедову), архиепископам Михаилу (Десницкому) и Серафиму (Глаголевскому)), дабы они уже могли по всем правилам Устава духовных академий избирать новых докторов. С тех пор и вплоть до 1854 г. не было ни одного «почетного» присуждения степени доктора богословия.

¹⁴ Макарий (Булгаков) (1816—1882), митрополит Московский и Коломенский. Выпускник Курской ДС (1837), магистр КДА (1841). В 1841 г. был пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха. Бакалавр русской церковной и гражданской истории КДА (1841—1842), бакалавр богословского класса СПбДА (1842), профессор того же класса, инспектор и архимандрит (1844), ректор СПбДА (1850), с 1851 г. в сане епископа Винницкого, викария Подольской епархии. С 1847 г. доктор богословия. В дальнейшем епископ Тамбовский и Шацкий (1857), архиепископ Харьковский (1859), Литовский и Виленский (1869), митрополит Московский и Коломенский (1879).

¹⁵ Макарий (Булгаков), *митр.* Введение в православное богословие. СПб., 1847 («маленькая догматика»); *Он же.* Православное-догматическое богословие: В 2 т. СПб, 1895 («большая догматика»).

¹⁶ Макарий (Булгаков), *еп.* История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855.

¹⁷ Например, два древних Символа веры по рукописям XIII в.

диссонирующей с аскетическими понятиями и традициями духовной жизни¹⁸. Однако следует, конечно, учитывать, что эта система и не претендовала на оригинальность, а представляла школьный учебник, закладывающий твердые основы догматического сознания. Духовная жизнь, жизненное богословие, церковное служение должны были базироваться на этой системе, а не заменяться и не ограничиваться ею.

Духовно-учебная деятельность была для преосвященного Макария не путем карьерного возрастания, а стержнем всей его жизни. Следует отметить, что в дальнейшем, будучи уже архиереем на самостоятельных кафедрах, преосвященный Макарий, используя опыт своего преподавания, инспекторства и ректорства, старался выстроить более удачные модели высшего духовного образования, отвечающие как его коренным принципам, так и современным запросам. В частности, более конструктивно предлагалось выстроить пастырско-практическую подготовку в духовных академиях¹⁹.

К ректорству епископ Макарий относился также творчески. Так, он ходатайствовал пред Синодом о введении новых предметов, если считал, что они способствуют богословскому возрастанию студентов²⁰. Он прилагал немалые усилия к тому, чтобы богословское знание было для студентов живым, а учебное рассуждение — самостоятельным. Своей ректорской властью он ввел особые занятия — прообраз учебно-методических семинаров, на которых студенты зачитывали те или иные части своих выпускных диссертаций и под руководством самого ректора разбирали их всем курсом. Конечно, для реализации всех этих идей, с учетом тяжелых нагрузок, с которыми высшее духовное образование было сопряжено всегда, и особенно в 1850-е гг., должна была сохраняться очень строгая дисциплина. Поэтому преосвященный Макарий был строгим ректором: может быть, это и дало основание для позднейших оценок «суровой» жизни «макарьевской» академии. Однако студенческая память старалась удержать всю полноту достоинств владыки ректора — ему посвящали стихи, хотя и не слишком романтические:

«Макарий, наш ректор,
Ученейший муж,
Отличный был ректор
И в авторстве дюж.
Все лекции в классе
Экспромтом читал
И свой предмет в массе
До тонкости знал.
Приятный в манерах,
Красивый на вид,

Он в полных размерах
Чуждался обид.
Ценил дарованья,
К труду поощрял,
И лучшие знания
Всегда одобрял.
Работал сам много
Умом и пером;
Кто ценит ум строго,
Пусть вспомнит добром²¹.

Жизнь студентов в духовной школе была тесно связана с инспектором: в его прерогативу входило воспитание. И в задуманном варианте, и в его лучших реализациях это воспитание не сводилось к выставлению оценок по поведению, но было действительно воспитанием *духовного* сословия — не по происхождению, а по сути, — служителей Церкви, ее учителей, пастырей и архипастырей. Почти все время обучения XXI курса в СПбДА инспектором был известный канонист архимандрит Иоанн (Соколов) (с января 1851 г. по январь 1855 г.), а последние полгода — архимандрит Кирилл (Наумов). О последнем будет сказано ниже, а архимандриту Иоанну следует посвятить несколько слов. Как понятно по последующей деятельности архимандрита

¹⁸ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. Переизд. : Вильнюс, 1991. С. 221–223.

¹⁹ При подготовке новой реформы духовных академий 1869 г. архиепископ Макарий (Булгаков) предложил ввести церковно-практическое отделение «пастырской» направленности, учебные планы которого включали бы: 1) пастырское богословие; 2) науки о церковном проповедничестве (гомилетика, история «духовной словесности», общая словесность как наука вспомогательная); 3) науки о церковном богослужении (церковная археология, православная литургика, литургика неправославных церквей и обществ); 4) науки о церковном управлении (церковное право) (см. : РГИА. Ф. 797. Оп. 37. Отд. 1. Ст. 2. Д. 1. Л. 451–452).

Проект преосвященного Макария был принят отчасти: церковно-практическое отделение было введено, но в его состав было включено значительное число словесных предметов, что ослабляло пастырскую направленность. Но идея гармоничного включения в учебные планы высшей духовной школы целостной и продуманной пастырской составляющей в дальнейшем обсуждалась неоднократно.

²⁰ Так, им был введен особый предмет для младшего курса — «Введение в богословие», который должен был совмещать функции введения в богословскую науку, с обоснованием цели и задач, структуры, принципов и методов богословия; определения места и значения богословия в системе научного знания в целом; прото-апологетического богословия. См. изложение этого курса : Макарий (Булгаков), архим. Введение в православное богословие. СПб., 1847. См. также : Чистович И. А. Санкт-Петербургская духовная академия за последние тридцать лет. 1858–1888. СПб., 1889. С. 38–39; Родосский А. Списки первых XXVII курсов С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1907. С. XVII.

²¹ Павлович Ф., прот. На досуге. Стихотворения прот. Ф. Павловича. СПб., 1890. С. 136.

Иоанна, твердое правление ректора не давало реализовывать инспектору свои собственные духовно-учебные и воспитательные идеи. Тем не менее, именно инспектор задавал камертон строгой дисциплины, обязательного посещения лекций, четкого исполнения академических правил²². Не могли не воздействовать на студентов и научные занятия архимандрита Иоанна. Именно в эти годы он создал первый вариант своего курса церковного законоведения, за который в 1853 г. получил ученую степень доктора богословия²³. Этот курс не только положил прочное основание науке церковного права, синтезировав исторический и систематический подходы к изучению его источников, задал камертон *богословскому* методу в изучении церковного права.

Необходимо сказать о преподавателе пастырского богословия в СПбДА — архимандрите Кирилле (Наумове). За свой учебный курс, изложенный в виде учебника, в 1855 г. архимандрит Кирилл получил редкую в те годы степень доктора богословия. Это свидетельствует не только о качестве курса, но и об особом внимании к пастырскому богословию как к новой дисциплине, для которой надо было определить поле изучения, круг источников, методологию. Курс архимандрита Кирилла заявлял пастырское богословие как «систематическое изложение обязанностей пастыря Церкви», что вполне укладывалось в традицию второй половины XVIII в.: знаменитой «Книги о должностях пресвитеров приходских» и ее учебных интерпретаций²⁴. Однако повышенное внимание к церковно-практической деятельности, характерное для первой половины 1850-х гг., побуждало видеть за изложением пастырских обязанностей реального человека, во спасение которого должны были направляться эти обязанности. Поэтому пафос миссионерского и пастырского служения среди студентов этих лет был достаточно высок.

В «пастырский блок» предметов входили в те годы еще церковная археология и литургика — их в СПбДА преподавал Василий Иванович Долоцкий (1839–1873). Его официальный курс был составлен главным образом по Бингаму — археологу и литургисту XVIII в. Однако этот традиционный учебный курс восполнялся многочисленными статьями, которые В. И. Долоцкий печатал в академическом журнале «Христианском чтении»²⁵ и которые обращали внимание его слушателей на те или иные праздники, чины таинств, элементы богослужения.

Гомилетику, включенную в СПбДА в те годы в курс общей словесности, преподавал Кирилл Иванович Лучицкий. Кроме любви к слову как таковому, К. И. Лучицкий старался сориентировать своих учеников на лучшие образцы церковной проповеди. Заметим, что именно в это время корпорация СПбДА осуществляла перевод святого Иоанна Златоуста на русский язык, в котором активнейшее участие принимал и К. И. Лучицкий. Перевод был начат в 1847 г. и длился около 20 лет, причем работа и с экзегетическими, и с нравоучительными, и с гомилетическими текстами великого святого, церковного учителя и мастера слова создавала в эти годы особый настрой и среди преподавателей, и среди студентов академии.

Непосредственное отношение к подготовке духовенства имело и учение о русском расколе, введенное в СПбДА в 1853 г.²⁶ Чтение лекций по этой дисциплине было поручено молодому бакалавру иеромонаху Никанору (Бровковичу), выпускнику СПбДА 1851 г. Предмет был новый, подходы к его изложению и изучению — неоднозначные. Энтузиазм молодого преподавателя увлекал студентов, и вскоре, в восполнение отсутствовавших семинарских занятий, был образован миссионерский кружок. При окончании академии в 1855 г. И. И. Сергиев был удостоен степени кандидата богословия за сочинение «О Кресте Христовом в обличении мнимых старообрядцев», которое первым проверял бакалавр «по специальности», иеромонах Никанор.

Теперь несколько слов скажем о соучениках святого Иоанна. XXI курс СПбДА, по отзывам преподавателей и историков академии, был знаменитым и талантливым. В его составе были будущие епископы — Минский и Туровский Варлаам (Чернявский), Аккерманский Аркадий (Филонов), Елизаветградский

²² Об этом писал через полвека, основываясь на академических документах, историограф святого Иоанна Кронштадтского профессор СПбДА А. А. Бронзов: «За студенческим поведением строго следили даже в классах во время профессорских лекций. Инспектор и помощники его, согласно «представлению» «Внутреннего академического правления» (от 6 февраля 1851 г., № 43) на имя Санкт-Петербургского митрополита Никанора (8 февраля подписавшего: «согласен»), обязаны были и в аудиториях наблюдать за студентами, как последние вели себя в присутствии профессоров. Нарушения академических правил поведения карались внушительно и непопустительно... Времена были «серьезные»» (Бронзов А. А. К биографии о. Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского (Некоторые справки из архива Санкт-Петербургской духовной академии) // Душеполезное чтение. 1909. Ч. 1. С. 390–391).

²³ *Иоанн (Соколов), архим.* Опыт курса церковного законоведения : В 2 вып. СПб., 1851–1852.

²⁴ Книга о должностях пресвитеров приходских, от слова Божия, соборных правил и Учителей церковных сочиненная. 1-е изд. СПб., 1776. Авторы: епископ Могилевский, Мстиславский и Оршанский Георгий (Конисский) и епископ Смоленский и Дорогобужский Парфений (Сопковский).

²⁵ «О христианских храмах», «О священных одеждах», «О священных сосудах», «О богослужебных книгах», «О чтении Священного Писания при богослужении», «О службах Месячной Минеи», «Об освящении храмов», «Об обрядах при совершении таинств и при погребении», «О чине оглашения в Древней Церкви», «О святой Великой Субботе», «О празднике Рождества Христова» и др.

²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 45.

Мемнон (Вишневецкий); ученые-исследователи — церковный историк М. О. Коялович, историк и апологет А. И. Предтеченский; деятели духовного образования — протоиереи Иоанн Толмачев, Дмитрий Соколов. У однокурсников, подвизавшихся на столь разных поприщах, была и общая черта: все они трудились на ниве церковного просвещения и благотворительности. Нельзя не видеть в этом и влияние их *alma mater*, Санкт-Петербургской академии. Но ближе всех и по служению, и по судьбе к святому Иоанну был священник Александр Гумилевский. Отец Александр получил известность как человек, отдающий себя на служение людям. Первые годы его служения были близки к первым годам служения о. Иоанна Кронштадтского. Отец Александр Гумилевский посещал бедных на дому, ходил для них в аптеку, отдавал им самое необходимое, снимая с себя. В 1860 г. о. Александр открыл на своем приходе одну из первых воскресных школ в Петербурге, в которой он преподавал сам и привлекал к безвозмездному преподаванию студентов старших курсов СПбДА. Он был духовником Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, недавно вернувшихся с фронта, с Севастопольской войны, и мечтал возродить в общине древнехристианское служение диаконис. Издавал журнал «Дух христианина», в котором высказывал идеи превращения церковного прихода в христианскую общину, живущую единой молитвенной жизнью, помогающую неимущим и бедным²⁷. Но главной идеей и деянием о. Александра Гумилевского было создание приходского Христорожественского Братства — первого церковно-приходского благотворительного Братства. Устав этого Братства, написанный о. Александром еще в 1863 г., был официально зарегистрирован лишь через шесть лет, в год его ранней кончины. В Братство входили богадельня, школа, рукодельные приюты для мальчиков и девочек, религиозно-нравственная библиотека, братский хор и братские обеды для нищих²⁸.

Таким образом, и сокурсники И. И. Сергиева вставали на путь самоотверженного пастырского служения, возвращали в себе любовь к каждому человеку как к образу Божию, искали неформальные решения церковных проблем и приобщения своих пасомых к жизни во Христе.

В качестве заключительной части — несколько слов о значении жизни, учения и деятельности святого Иоанна Кронштадтского для высшей духовной школы.

В тесном смысле слова под «академическими годами святого праведного Иоанна Кронштадтского» подразумевают те четыре года, которые он провел в стенах СПбДА. Однако это выражение имеет и иной, более широкий и глубокий смысл: все последующие годы, связующие великого пастыря с высшими духовными школами, их преподавательскими и студенческими корпорациями, с богословской академической наукой. А эта связь не прерывалась и до конца земного служения святого, и после завершения этого «кратковременного легкого страдания» (2 Кор 4.17).

В своих воспоминаниях об обучении в СПбДА протоиерей Иоанн писал: «Высшая духовная школа, коей присвоено название духовной академии, имела на меня особое благоприятное влияние. Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое миросозерцание и я, Божию благодатию, стал входить в глубину богословского созерцания, познавая более и более глубину благодати Божией, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей все создания твердым жизненным гармоническим законам; особенно пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа, взявшего грехи мира (Ин 1.29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было во мне вселено еще благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних Отцов, также и русского златоустого Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божию в спасении рода человеческого, я проливал обильные и горячие слезы, сгорая желанием содействовать спасению погибающего человечества. И Господь исполнил мое желание. Вскоре по окончании высшей школы я возведен был на высоту священнического сана»²⁹.

²⁷ «Приход православный только тогда будет истинно православным христианским приходом, когда, проникшись чувством общей христианской любви, составит из себя единое во Христе братство, в котором священно- и церковнослужители приходские сольются с прихожанами в делах любви христианской, в заботах о храме, в благотворении бедным, больным, престарелым, малолетним, нищим, узникам» (из проповеди о. Александра Гумилевского на праздник Рождества Богородицы 8 сентября 1863 г.)

²⁸ [Скоробогатов Н. А.]. Приходский священник Александр Васильевич Гумилевский. СПб., 1871.

²⁹ Отец Иоанн Кронштадтский. Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского, 19 октября 1899 года // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев / Сост. : Т. И. Орнатская и др. М. : Изд-во «Отчий дом», 2004. С. 25.

История сохранила сведения о многократных посещениях студентами академий Кронштадтского пастыря. Как бы успешен или, напротив, неуспешен был студент в богословском образовании, какими бы подробностями и вопрошаниями ни сопровождалось посещение, оно всегда было чрезвычайно важным событием в жизни молодого человека. Иногда это посещение было поворотным моментом к пастырскому служению, иногда — к принятию монашества, иногда — просто к решительному и крепкому церковному служению.

Святой Иоанн Кронштадтский и сам неоднократно посещал духовные академии. Часто — свою, Санкт-Петербургскую — и на активные дни, и помимо праздников, реже — другие. Это было событием в жизни каждой академии — событием, оживлявшим в жизни духовной школы понятие духовной жизни. Так, например, в январе 1895 г., когда протоиерей Иоанн посетил МДА, это привело к необычайному подъему ревности к духовной жизни в студенческой среде. Отец Иоанн отслужил в академической Покровской церкви Всенощное бдение и Божественную Литургию, и было отмечено «отрадное выражение высокого молитвенного настроения и неожиданное для молящихся приобщение 27 студентов Святых Христовых Таин»³⁰. Для современного церковного человека такое количество причащающихся не кажется большим, скорее, напротив. Но следует учитывать реалии синодальной эпохи: обычно студенты духовных школ причащались 2–3 раза в год.

Еще при жизни о. Иоанна в 1905 г. в СПбДА были учреждены две студенческие стипендии его имени — на денежный капитал в объеме 12 600 руб., пожертвованный от редакции и читателей журнала «Русский паломник». Одна из этих стипендий, согласно принятому уставу, должна была выдаваться студенту в священном сане или желающем принять таковой по окончании академии; вторая назначалась по усмотрению руководства академии³¹. При обычной бедности и самих академий, и их воспитанников это было значительной помощью высшей духовной школе.

Академии — и особенно, конечно, Санкт-Петербургская — сознавали величие явления, которое представлял протоиерей Иоанн и его служение. Это осознание и желание обогатить школьное богословие этим реальным духовным опытом проявлялось и при земной жизни о. Иоанна, и по завершении оной. Начиная с года кончины святого, члены корпорации СПбДА предлагали студентам для кандидатских диссертаций темы, связанные с учением и служением о. Иоанна Кронштадтского, по кафедрам: Нравственного богословия, Основного богословия, Пастырского богословия, Догматического богословия³². Однако это изучение наследия великого пастыря было только начато. Большое — и, тем паче, великое — видится на расстоянии, и нынешняя конференция (XVIII Богословская конференция ПСТГУ. — *Ред.*) является одним из свидетельств выработки этого видения.

Несколько слов в заключение. Мы не собираемся представлять благополучную картину высшей духовной школы, из которой с неизбежной закономерностью выходили подвижники и ревностные пастыри, осуществлявшие жертвенное служение Богу, Церкви, ближнему. Жертвенное служение всегда являлось и является личным подвигом, не определяемым однозначно ни образованием, ни воспитанием, ни окружающими. Но ту основу, которую дала высшая духовная школа будущему святому, знания, традицию, к которой он приобщился, нельзя не учитывать. Хотя многое в служении святого о. Иоанна Кронштадтского совершалось в восполнение того, что давала духовная школа, но это восполнение было не противопоставлением, а развитием, реализацией учения — тем, что и ждет школа от своих выпускников. Духовное образование — процесс тонкий и не сводимый к формальным критериям, его результативность трудно определить показателями «остаточных знаний», карьерного роста выпускников, числом защищенных диссертаций. Духовная ученость может выражаться в фундаментальных исследованиях, обогащающих Церковь новым знанием и углубляющих наше знание о Боге и его творении, о Церкви и путях нашего спасения. Эта же ученость может выражаться в готовности пожертвовать собой ради Бога и ради ближнего. Все это в совокупности и составляет понятие духовного образования, и понятие это не статично, а динамично, оно продолжает формироваться достижениями тех, кто приобщился к духовному знанию. И святой праведный Иоанн Кронштадтский является одним из наиболее значимых и полноценно реализовавшихся выпускников российской духовной школы.

³⁰ Соколов В. А. Посещение Московской духовной академии отцом Иоанном Кронштадтским // Богословский вестник. 1895. Т. I. № 2. С. 279–289. Или : отд. оттиск. М., 1895. См. также : Дневник митрополита Арсения (Стадницкого) (ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 511. Л. 18).

³¹ Журналы заседаний Совета СПбДА за 1904–1905 уч. год. СПб., 1905. С. 130–132, 192–194.

³² Бронзов А. А. Отзыв о сочинении студента Корнилова Петра на тему: «Главнейшие течения в современной (русской) нравоучительной богословской литературе. Отец Иоанн Кронштадтский» // Журналы заседаний Совета СПбДА (далее : ЖЗС СПбДА) за 1908–1909 уч. год. СПб., 1909. С. 401–402; Аквилонев Е., *прот.* Отзыв о сочинении студента Вельмина Константина на тему: «Отец Иоанн Кронштадтский. Его христианское мировоззрение» // ЖЗС СПбДА за 1909–1910 уч. год. СПб., 1910. С. 440–441; Зарин С. М. Отзыв о сочинении студента Николая Парвова на тему: «Отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский), как пастырь» // ЖЗС СПбДА за 1911–1912 уч. г. СПб., 1912. С. 333–335; Карабинов И. А. Отзыв о том же сочинении // Там же. С. 335; Лепорский П. И., *прот.* Отзыв о сочинении студента Ивана Спасского на тему: «Отец Иоанн Кронштадтский как богослов» // ЖЗС СПбДА за 1912–1913 уч. г. СПб., 1913. С. 453–454; Сагарда Н. И. Отзыв о том же сочинении // Там же. С. 454; Бронзов А. А. Отзыв о сочинении студента Соколова Александра на тему: «Отец Иоанн Кронштадтский как учитель нравственности» // ЖЗС СПбДА за 1912–1913 уч. г. СПб., 1913. С. 441–442; Сагарда А. И. Отзыв о том же сочинении // Там же. С. 442–443.